

ЦИФРОВИЗАЦИЯ. ЦИФРОВОЕ ПРАВО. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

УДК 34:004

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/40-46>

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ФОКУСЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

А. Б. Алексеева

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

EVOLUTION OF LAW ENFORCEMENT IN THE FOCUS OF DIGITALIZATION OF LAW

A. B. Alekseeva

Transdnestrian State University named after T. G. Shevchenko

Аннотация: рассматриваются правовые аспекты воздействия и влияния цифровых технологий на процесс правоприменения, анализируются преимущества и риски, связанные с алгоритмизацией судопроизводства, использованием роботов при отправлении правосудия, наделением искусственного интеллекта элементами правосубъектности. Сформулирован вывод о положительном влиянии цифровых технологий на качество правосудия, связанное исключительно с его технической частью.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое право, электронное правосудие, алгоритмизация, робот-судья.

Abstract: the article considers legal aspects of the impact and influence of digital technologies on the process of law enforcement. The article analyzes the advantages and risks associated with the algorithmization of legal proceedings, the use of robots in the administration of justice, giving artificial intelligence elements of legal personality. The conclusion about the positive influence of digital technologies on the quality of justice related to its technical part is formulated.

Key words: digitalization, digital law, e-justice, algorithmicization, robot-judge.

Понятие «цифровизация» прочно вошло в обиход современного человека и означает внедрение современных технологий в различные сферы общественной жизни. О формировании отрасли цифрового права как отрасли права нового поколения в настоящее время говорят многие ученые-правоведы. Так, П. Хлебников предлагает рассматривать цифровое право как систему общеобязательных, формально-определенных, гарантированных государством правил поведения, складывающуюся в области применения или с помощью применения цифровых технологий, в том числе посредством специального программного обеспечения¹. По мнению

И. А. Умновой-Конюховой, цифровое право – это дочернее структурное подразделение более объемной по институционализации отрасли права нового поколения – информационного права².

В научной литературе справедливо отмечается, что развитие цифрового права значительно отстает от развития информационных технологий. Нормативные правовые акты в своем большинстве принимаются «вдогонку», при этом многие из них – лишь точечные и ситуационные меры, которые будут еще неоднократно уточняться и приспособляться к реальности³.

¹ См.: Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9. С. 93–94.

© Алексеева А. Б., 2024

² См.: Умнова (Конюхова) И. А. // Конституционное право и международное публичное право : теория и практика взаимодействия. М., 2016. С. 71–90.

³ См.: Талапина Э. В. Государственный суверенитет в информационном пространстве : новые задачи права // Государство и право. 2018. № 5. С. 60–67.

Проникновение искусственного интеллекта в правовую систему оказывает существенное влияние на ее развитие и трансформацию. Сравнительный анализ различных точек зрения на трансформацию права в условиях цифровой трансформации позволяет установить некоторые закономерности: возникают новые объекты правового регулирования; формируются дескриптивные понятия как база новых правовых институтов; трансформируются источники права; появляются «цифровые права» нового поколения, новые объекты правового регулирования и правовые регуляторы (программные коды, операционные системы и т. д.); существенно изменяются квалификационные требования к юридическим кадрам.

В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни В. Д. Зорькин видит несколько вариантов развития права: 1) право трансформируется в иной социальный регулятор, допуская появление программного кода или некой гибридной формы; 2) право сохранит свои субстанциональные признаки и будет мирно сосуществовать с программным кодом; 3) появится новая нормативная система, которая займет свое место в системе социальных норм наряду с правом, моралью, религией⁴.

Цифровые технологии способны значительно облегчить процесс правоприменения. Появляются новые виды доказательств, способы их фиксации, цифровая электронная подпись. Так, с целью обеспечения доказательств в судебных инстанциях появилось нотариальное действие, связанное с фиксацией содержания того или иного сайта. При этом такой нотариально заверенный документ принимается судами в качестве доказательства. В настоящее время роботы занимаются составлением юридически значимых текстов. С 29 декабря 2020 г. у нотариусов появилось право принимать на хранение документы в электронной форме, в том числе и авторские произведения. Теперь любой гражданин, опасаясь утери документов, может сдать на хранение нотариусу фотографии, видеофайлы и т. п. Сведения об открытии наследственного дела возможно получить через сеть «Интернет».

Специалистами в области программирования компании ПАО «СберБанк» был разрабо-

⁴ См.: Зорькин В. Д. Право в цифровом мире : мышления на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газета. 2018. 18 мая. № 115.

тан и успешно интегрирован в систему робот-юрист, анализирующий информацию, поступающую в правовой департамент. На основании заложенной в него правовой базы робот извлекает из документов необходимую информацию и формирует юридические заключения. Только за 8 месяцев робот-юрист успешно сформировал свыше 2,5 миллионов заключений. Компанией «Мегафон» разработан сервис «Цифровой юрист», в основе функционирования которого заложены нейронные сети и функция распознавания символов. Благодаря данному сервису появилась возможность работы с различными программами, например «Судебной платформой», самостоятельно формирующей типовые ответы юридического характера на нормативные документы государственных органов. Таким образом, правовая алгоритмизация превратилась в реальность⁵. Развитие технологий и проникновение искусственного интеллекта в правовую систему требует создания эффективного механизма правового регулирования. В связи с этим одной из самых актуальных задач современной юридической науки является научное осмысление тенденций, связанных с применением цифровых технологий в правоприменении в целом и судопроизводстве в частности.

Новой правовой реальностью является электронное правосудие. На страницах различных юридических изданий развернулась полемика относительно возможности интегрирования цифровой среды в традиционную систему правосудия. Так, российская научная электронная библиотека Elibrary по запросу «электронное правосудие» за период нескольких лет выдает более тысячи публикаций, что свидетельствует об актуальности данной проблемы.

Под электронным правосудием (e-justice) традиционно понимается способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий⁶. Новый тип судебной организации базируется на электронном документообороте, разрешении правовых конфликтов в системе видео-конференц-связи, электронной цифровой подписи, дистанционной форме взаимодействия с лицами, участвующими в деле, дис-

⁵ Федеральные новости. URL: <https://corp.megafon.ru/press/news/> (дата обращения: 06.10.2023).

⁶ См.: Дрянцева О. Л., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России : проблемы и пути решения // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 97.

танционном доступе к суду и т. п. Электронное правосудие имеет ряд преимуществ, к числу которых можно отнести своевременный доступ к информации о деятельности судов; сокращение сроков подготовки судебных документов; увеличение скорости рассмотрения обращений; повышение эффективности использования трудовых и материальных ресурсов; обеспечение оперативного взаимодействия судов для обмена информацией⁷. Безусловно, информатизация судебной системы ведет к повышению уровня доступности и оперативности правосудия.

В настоящее время в экспертной среде обсуждается вопрос о возможности искусственного интеллекта полностью заменить судью: проанализировать фактические обстоятельства дела, квалифицировать правоотношения и вынести мотивированное решение.

Результатом внедрения соответствующих технологий может стать «предсказанное правосудие» – появление информационно-аналитических систем (программ), способных просчитать исход наиболее типичных судебных дел, в том числе определить оптимальный способ защиты, подобрать наиболее подходящие аргументы, оценить размер возможной компенсации⁸.

В процессе цифровизации правоприменительной деятельности ряда стран появился феномен роботов-судей. Так, Верховный суд Китайской Народной Республики опубликовал «Мнения о регулировании и усилении применения искусственного интеллекта в судебной сфере». Согласно данному документу к 2025 г. в Китае появится система искусственного интеллекта для поддержки судебной системы, а к 2030 г. будет создана более эффективная прикладная и теоретическая система для использования искусственного интеллекта в судебном секторе⁹. В Российской Федерации в качестве основы цифрового правосудия разработан суперсервис «Правосудие онлайн», его запуск планируется в конце 2024 г. Возможности ма-

шинного обучения для отправления правосудия, основная цель которого будет заключаться в обработке судебной статистики для составления прогноза затрат человеческих и финансовых ресурсов, изучает Латвия. В Соединенных Штатах уже работают «юристы-роботы», разговаривающие с людьми на простом языке. Третьего декабря 2018 г. Европейской комиссией по эффективности правосудия принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Указанный документ зарекомендовал себя в научной среде в качестве методологического ориентира пределов внедрения искусственного интеллекта в деятельность судов.

Цифровое правосудие не ограничивается использованием IT-технологий для повышения качества технической стороны судопроизводства. Оно предполагает изменение содержательной составляющей судебного процесса в части делегирования искусственному интеллекту права принимать решения. Иными словами, электронное правосудие в широком смысле предполагает алгоритмизацию правоприменения, т. е. моделируется ситуация, при которой искусственный интеллект, анализируя большой объем судебных решений, выдает предполагаемый результат относительно исхода конкретного дела. Совокупность таких решений, вынесенных на основе индуктивного анализа, составляет основу «предсказательного» или «шаблонного» правосудия.

Исследователи проблемы электронного правосудия считают возможным его применение к так называемым «шаблонным» делам, к числу которых относятся неисполнение финансовых обязательств по уплате обязательных платежей, приказное производство, нарушение правил дорожного движения с использованием видеофиксации и т. д. По некоторым категориям дел, связанным с использованием алгоритма, применение «шаблонного» правосудия оправдано (например, по делам о взыскании алиментов, взыскании недоимки по налогам и т. д.). В перечисленных случаях цифры способствуют снижению предвзятости и повышению открытости судебной системы, положительно влияют на качество правосудия, связанное с его технической частью.

В случаях, когда юридический казус уникален, человеческий фактор играет реша-

⁷ См.: Рогожина С. Г., Щербинина Н. С. Электронное правосудие: сравнительно-правовой анализ // Журнал юридических исследований. 2020. Т. 5, № 3. С. 47.

⁸ См.: Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica (Русский закон). 2019. № 11. С. 80–81.

⁹ Помощь ИИ для повышения эффективности судебного сектора // Китайская газета. 2022. 12 дек. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202212/12/WS6396843da31057c47eba3e3c.html> (дата обращения: 02.10.2023).

ющую роль для правильного разрешения дела. Процессуальное законодательство содержит ряд норм, прямо предусматривающих рассмотрение конкретных дел на основании индивидуального судебного регулирования – судебного усмотрения. Так, в силу п. 1 ст. 51 Арбитражного процессуального кодекса Приднестровской Молдавской Республики (далее – ПМР) Арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств¹⁰.

Внутреннее убеждение значительно сложнее применения алгоритма. Как справедливо утверждает К. А. Амирянц, невозможно «объяснить» машине, почему в зависимости от конкретных обстоятельств одни и те же доказательства в одном деле отвергаются, а в другом кладутся в основу решения¹¹. Ценность судебного усмотрения состоит в возможности учесть все нюансы юридического дела и применимые к нему доказательства. Правоприменение не всегда может осуществляться в форме алгоритма.

В силу ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Приднестровской Молдавской Республики (далее – ГПК ПМР) суд обязан разрешать гражданские дела на основании Конституции ПМР, международных договоров ПМР, конституционных законов, законов, нормативных правовых актов Президента ПМР и Верховного Совета ПМР и иных подзаконных нормативных правовых актов. Приведенная норма коррелируется с официальной доктриной источников континентального права, признающей в качестве таковых нормативные правовые акты. Место и роль источников цифрового права (стратегий, платформ, программных документов и т. п.) до настоящего времени не определе-

но, в связи с чем их использование в качестве нормативной основы построения правоприменительных актов без проведения кодификации законодательства неправомерно.

Еще одной спецификой и проблемой цифрового правосудия и цифрового права в целом является определение правового статуса его субъектов. В частности, «робот-личность» рассматривается некоторыми учеными в качестве субъекта правоприменения, что порождает определенные теоретические и практические вопросы. Согласно действующему процессуальному законодательству персональную ответственность за законность и обоснованность принятого решения несет судья. Новый виртуальный «субъект права» не может быть юридически идентифицирован, следовательно, не может нести юридическую ответственность. Отсутствие правосубъектности искусственного интеллекта автоматически исключает установление любых правовых связей между ним и государством. При таких обстоятельствах государство не может гарантировать человеку защиту его прав и свобод, а также привлечь робота-судью к правовой ответственности в силу отсутствия у него деликтоспособности.

В настоящее время пределы «правоспособности» искусственного интеллекта большинством юрисдикций ограничиваются. Например, Бюро по авторским правам США выработало правовую позицию, согласно которой законодательная защита оригинальных авторских произведений ограничивается произведениями, «созданными человеком». Бюро по авторским правам не регистрирует произведения, созданные машиной или любым механизмом, который работает автоматически без какого-либо творческого вклада или вмешательства со стороны человека-автора¹². В связи с этим представляется спорной позиция ученых-правоведов, предлагающих расширить правоспособность робота до «объекта с особым правовым положением» путем надления искусственного интеллекта вещными и обязательственными правами¹³.

¹² См.: Крысанова Н. В. Правосубъектность искусственного интеллекта : дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // Материалы международной научно-практической конференции «Право, цифровые технологии и искусственный интеллект». М., 2021. URL: [http://inion.ru/site/assets/files/6476/2021_ss_pravo_tcfrovyu_tekhnologii.pdf/](http://inion.ru/site/assets/files/6476/2021_ss_pravo_tcfrovyu_tekhnologii.pdf) (дата обращения: 07.10.2023).

¹³ См.: Каплиев А. С. Критика национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до

¹⁰ Арбитражный процессуальный кодекс ПМР, введенный в действие Законом Приднестровской Молдавской Республики от 19 февраля 1998 г. // Сборник законодательства Приднестровской Молдавской Республики. № 84-З.

¹¹ См.: Амирянц К. А., Чемеринский, К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-3. С. 50–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennoy-sudebnoy-sisteme-i-prava-cheloveka/> (дата обращения: 01.10.2023).

Правоприменительная деятельность требует морального выбора, к которому искусственный интеллект не приспособлен в принципе. Например, принятие решения по отдельным категориям уголовных дел, для разрешения которых применение робота недопустимо. При вынесении решения судья руководствуется не только законом, но и высокими стандартами нравственности, внутренним убеждением, основанным на высоком профессионализме.

Законодательство ПМР содержит большое количество норм с прямым указанием на применение усмотрения. Обнаружив отсутствие нормы, подлежащей применению в том или ином случае, суд использует свои дискреционные полномочия. Примером процессуального судебного усмотрения являются нормы, регулирующие процесс доказывания (например, право суда предложить представить дополнительные доказательства, право истребовать необходимые доказательства по своей инициативе и т. д.). Целью реализации дискреционных норм является справедливое судебное разбирательство. Машина, какой бы совершенной она ни была, «лишена гибкого, глубокого и точного человеческого мышления, еще более зависима от предустановок, чем человек зависим от предрассудков»¹⁴.

Ввиду зависимости решения искусственного интеллекта от встроеного в него алгоритма представляется сомнительной возможность участия робота-судьи в кассационной инстанции. Так, в силу ст. 377 ГПК ПМР основанием для отмены или изменения решения суда в кассационном порядке является нарушение или неправильное применение норм материального или процессуального права. При этом правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено исключительно по формальным соображениям, т. е., исходя из смысла приведенной нормы, основанием для отмены судебного решения может быть только существенное нарушение, повлиявшее на исход дела. Критерий «существенности» в немалой степени определяется судебным усмотрением,

2030 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 52.

¹⁴ Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481.

тогда как искусственный интеллект решает любую задачу с помощью алгоритма. Анализируя дело в кассационной инстанции, машина зафиксировывает все (не только существенные) правоприменительные ошибки и делает вывод о необходимости отмены судебного акта. Поэтому говорить о замене судьи искусственным интеллектом логически представляется как минимум преждевременным. Считаем обоснованной точку зрения А. И. Овчинникова, полагающего, что цифровизация и алгоритмизация правоприменительной деятельности приведут не только к исчезновению справедливости и правосудия в праве, но и обилию ошибочных правоприменительных решений¹⁵.

В силу ст. 80 Конституции ПМР правосудие в Приднестровской Молдавской Республике осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется судами посредством конституционного, гражданского, административного, уголовного и арбитражного судопроизводства. Создание чрезвычайных судов не допускается¹⁶. Внедрение искусственного интеллекта в судебный процесс, появление нового субъекта правоприменения вызывает справедливые опасения относительно устойчивости судебной системы и основ судопроизводства в целом.

Полагаем, что замена правоприменителя-человека на искусственный интеллект в настоящее время возможна в пределах совершения исключительно типовых рутинных процедур. Революционные преобразования судебной системы и прогнозирование связанных с ними рисков требуют проведения фундаментальных научных исследований, практического тестирования и создания новой модели правовой регуляции.

Библиографический список

Амиянц К. А., Чемеринский К. В. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-3. С. 50–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennoy-sudebnoy-sisteme-i-prava-cheloveka/>

¹⁵ См.: Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 258.

¹⁶ Конституция Приднестровской Молдавской Республики : принята на Всенародном референдуме 24 декабря 1995 г. Приднестровье. 2011. 5 июля. № 135.

Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica (Русский закон). 2019. № 11. С. 80–81.

Дрянцева О. Л., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 97.

Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газета. 2018. 18 мая. № 115.

Каплиев А. С. Критика национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 52.

Крысанова Н. В. Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // Материалы международной научно-практической конференции «Право, цифровые технологии и искусственный интеллект». М., 2021. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6476/2021_ss_pravo_tcifrovye_tekhnologii.pdf

Мельничук М. А., Ченцова Д. В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 67.

Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 258.

Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481.

Рогожина С. Г., Щербинина Н. С. Электронное правосудие: сравнительно-правовой анализ // Журнал юридических исследований. 2020. Т. 5, № 3. 2020. С. 47.

Талапина Э. В. Государственный суверенитет в информационном пространстве: новые задачи права // Государство и право. 2018. № 5. С. 60–67.

Умнова (Конюхова) И. А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М., 2016. С. 71–90.

Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9. С. 93–94.

References

Amiyants K. A., Chemerinsky, K. V. Use of Artificial Intelligence in the Modern Judicial System and Human Rights insky // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2019. No. 11-3. P. 50–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennoy-sudebnoy-sisteme-i-prava-cheloveka/>

Biryukov P. N. Artificial intelligence and "predicted justice": foreign experience // Lex russica (Russian law). 2019. No. 11. P. 80–81.

Dryantseva O. L., Soldatkina O. L. Electronic justice in Russia: problems and solutions // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2019. No. 12. P. 97.

Zorkin V. D. Law in the digital world: reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum // Ros. newspaper. 2018. May 18. No. 115.

Kapliyev A. S. Critique of the national strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 // Law and state: theory and practice. 2020. No. 2 (182). P. 52.

Krysanova N. V. Legal capacity of artificial intelligence: discussions in domestic and foreign studies // Proceedings of the international scientific and practical conference "Law, digital technologies and artificial intelligence". Moscow, 2021. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6476/2021_ss_pravo_tcifrovye_tekhnologii.pdf

Melnichuk M. A., Chentsova D. V. Civil liability of artificial intelligence // Law and Right. 2020. No. 6. P. 67.

Ovchinnikov A. I. Risks in the processes of digitalization of law // Legal technique. 2019. No. 13. P. 258.

Ovchinnikov A. I., Khakimov I. A. Law enforcement, artificial intelligence and the contextual meaning of the principles of law // Legal technology. 2020. no. 14. P. 481.

Rogozhina S. G., Shcherbinina N. S. Electronic justice: comparative legal analysis // Journal of legal studies. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 47.

Talapina E. V. State sovereignty in the information space: new tasks of law // State and law. 2018. No. 5. P. 60–67.

Umnova (Konyukhova) I. A. Constitutional law and international public law: theory and practice of interaction. Moscow, 2016. P. 71–90.

Khlebnikov P. Digitalization of law as a consequence of digitalization of life // Housing law. 2017. No. 9. P. 93–94.

А. Б. Алексеева

Эволюция правоприменения в фокусе цифровизации права

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

Алексеева А. Б., кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и теории государства и права, заслуженный юрист Приднестровской Молдавской Республики, член национальной ассоциации административистов Российской Федерации

E-mail: Allapolina@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.12.2023

Для цитирования:

Алексеева А. Б. Эволюция правоприменения в фокусе цифровизации права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 40–46. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/40-46>

Transnistrian State University named after T. G. Shevchenko

Alekseeva A. B., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the International Law and Theory of State and Law Department, Honored Lawyer of the PMR, member of the National Association of Administrators of the Russian Federation

E-mail: Allapolina@mail.ru

Received: 06.12.2023

For citation:

Alekseeva A. B. Evolution of law enforcement in the focus of digitalization of law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 40–46. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/40-46>